

А. Н. КУПРИЯНОВ

Портрет Г. В. Стеллера был создан сотрудниками Тюменского госуниверситета – художником И. И. Станковым и историком Д. Гоголевым – на основе архивных данных в стиле изображений XVIII в. Портрет был представлен в ТюмГУ в марте 2016 г., а сейчас выставлен в его Центре российско-немецкого сотрудничества Георга Вильгельма Стеллера

Есть люди, которые испытывают радость встречи с незнакомыми травами всю жизнь. Но большинство просто не знает, что есть такая наука – ботаника, уходящая своими корнями в настолько древние времена, что и подумать страшно. Ибо для первочеловека обретение знаний о том, что его окружало, а это в первую очередь был растительный мир, – первостепенное дело. И всегда были люди, которые знали больше других и передавали свои знания ученикам. Эстафета передачи знаний никогда не прерывается – она продолжается сейчас и будет продолжаться вечно, и никогда не прервется арабеска из тонких линий судеб ботаников, сплетающихся в один бесконечный орнамент науки. В прошлом выпуске мы рассказали о российском академике немецкого происхождения Иоганне Георге Гмелине, которого сам Карл Линней называл «отцом ботаники». Героем нынешнего повествования стал еще один ботаник, адъютант Санкт-Петербургской Академии наук, немецкий ученый и врач Георг Вильгельм Стеллер. Оба этих великих натуралиста были членами академического отряда Второй Камчатской экспедиции – грандиозного исследовательского проекта XVIII в., с которого началось широкое научное изучение природных, в том числе и растительных, богатств Сибири

В переплетении времен и судеб: ученый – «травник» Георг Вильгельм Стеллер

«Камчатская огнедышащая гора».
Рис. О. Помыткиной по рисунку И. Х. Беркана (1740–1744). Из кн. С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755)

Прострел (*Pulsatilla vulgaris*, или *Anemone pulsatilla*) – многолетнее растение из семейства лютиковых, один из красивейших весенних первоцветов. Гербарий ЦСБС СО РАН (Новосибирск)

Г. В. Стеллер: «Прострел (*Pulsatilla*) с анемоновидными листьями и оранжевым цветком сибиряки, растерев, кладут на ночь, на любую часть тела и таким образом лечат пузыри и язвы. Это у них, кроме того, является средством, ничего не боясь, вызвать болезнь и таким образом уклониться от военной или другой службы. Они, сделав себе рану, берут несоленое сливочное масло, смешивают с желтым воском и накладывают на раненое место. Намазавшись так, они остаются два или даже три дня и затем полностью выздоравливают. Русские называют это растение «ветреница»»

© А. Н. Куприянов, 2022

КУПРИЯНОВ Андрей Николаевич – доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Кузбасского ботанического сада Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углекислоты СО РАН (Кемерово). Автор и соавтор более 450 научных работ и 5 патентов

Европейцам XVIII в. огромные просторы России представлялись как *terra incognita* – земля неизвестная, где можно разбогатеть и осуществить самые смелые честолюбивые мечты. И ученые в этом смысле не были исключением. Ведь сам император Петр I, заложивший основы государственной науки, в речи по поводу своего избрания членом Парижской академии наук в 1721 г. сказал: «Мы ничего больше не желаем, как чтоб через прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привесть».

В Академии наук и художеств, созданной в Санкт-Петербурге в 1724 г., условия для работы приглашаемых ученых были очень неплохие. Ведь Академия с самого

Ключевые слова: ботаника, Георг Вильгельм Стеллер, Санкт-Петербургская Академия наук, Вторая Камчатская экспедиция, Сибирь, Камчатка, история науки.

Key words: botany, George William Steller, St. Petersburg Academy of Sciences, Second Kamchatka Expedition, Siberia, Kamchatka, history of science

начала создавалась государством и находилась на его содержании, тогда как в европейских странах подобные академические учреждения работали на самофинансировании.

Обязанности академиков были несложные: четыре часа в неделю читать публичные лекции, представлять свои «рассуждения» для членов Академии и дважды в неделю присутствовать на академических собраниях. И, конечно, выполнять поручения, связанные с той отраслью науки, которой занимались профессоры. Контракт заключался на пять лет, академики (профессора) получали приличное жалование, а сверх того – жилье, свечи и дрова за счет Академии. В случае продления контракта можно было надеяться на солидную прибавку, а во время экспедиции жалование удваивалось.

В то время в разоренной войнами Европе профессора известнейшей Французской академии кормились платой от учеников, а Прусская академия существовала благодаря средствам от продажи календарей и от благотворительных мероприятий. Не поэтому ли Бернулли-отец, провозжая своих гениальных сыновей в варварскую Московию, напутствовал их словами, что «...лучше несколько потерпеть от сурового климата страны льдов, где приветствуют муз, чем умереть от голода в стране с умеренным климатом, в которой муз обижают и презирают».

Другим мотивом для предприимчивых европейцев был поиск сокровищ. Уже в то время Московия, а вернее, Сибирская Тартария, виделась кратчайшим путем в Индию, к богатствам Востока.

В XVII–XVIII вв. процветал географический шпионаж. Вот лишь некоторые примеры. В 1671 г. курляндец Яков Рейтенфельс выкрал в Посольском приказе, через переводчика Андрея Винниуса, сведения о дороге из Москвы в Пекин, которые перепродал папской коллегии в Риме. Два года спустя посланец бранденбургского двора Иоахим Скультетус «достал» список отчета дипломата и путешественника Федора Байкова о его путешествии в Китай.

В Стокгольм попала и секретнейшая карта «Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никанского», которая была создана в 1672 г. В описании к этой карте под названием «Список с чертежа Сибирской земли» рассказывалось о «новых землях Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какое в той земле положение...» и упоминались конкретные данные о возможности морского плавания из устья Колымы к устью Амура.

И все эти люди превозносили несметные богатства Сибири, что привлекало не только авантюристов, но и естествоиспытателей, которые видели в этом загадочном крае возможность удовлетворить свое научное любопытство и сделать новые открытия.

Карта России голландского картографа Гесселя Герритса, посвященная царю Федору Михайловичу, которая в 1614 г. впервые вышла отдельным листом. Карта была отпечатана в Амстердаме в мастерской Вильгельма Блау. По: (Atlas – Obras anteriores, 1800). © CC BY 2.0/ Fondo Antiquo de la Biblioteca de la Universidad de Sevilla

Уже в начале XVII в. в Голландии были впервые опубликованы подробные карты территории России. Так, в 1612 г. в Амстердаме географ, картограф и издатель Гессель Герритс опубликовал сборник статей под заглавием *Beschryvinghe Vander Samoyeden Landt in Tartarien* («Описание Страны Самоедов в Тартарии»), в который вошли две статьи, посвященные Сибири, написанные голландским купцом и путешественником Исааком Массой. В первой повествуется о покорении Сибири и о начатой Строгановыми русской торговле с местными туземцами, во второй помещено краткое описание путей, ведущих из Москвы в Сибирь, рек северо-востока и перечень основанных москвитянами сибирских городов. Статьи Массы явились для западного читателя настоящим открытием и сразу же были переведены на многие

европейские языки. Что послужило их источником и первоосновой? Согласно последним исследованиям, в голландских чертежах очень многое было заимствовано непосредственно из чертежей, входивших в общий комплекс картографических документов «Старый чертеж» Московского государства. Сам Масса признавался: «Я опишу сколько мне возможно дорогу из России в Сибирь, но я должен сказать, что мне было невозможно узнать больше. То, что я знаю, я собрал с величайшими усилиями и я обязан этим дружбе некоторых лиц московского двора, которые из расположения ко мне доверили мне эти сведения, долго колебавшись, прежде чем мне их дать. Это могло стоить им жизни, потому что русский народ крайне недоверчив и не может вынести, чтобы открывали тайны его страны» (Красникова, 2010)

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743 гг.) была организована по предложению капитан-командора Витуса Беринга, представленному в Адмиралтейств-коллегию и Сенат вскоре после окончания Первой Камчатской экспедиции (1725–1730 гг.). В состав отрядов экспедиции 1733–1743 гг. под общим командованием Беринга входило более 500 ученых, офицеров, матросов, солдат, геодезистов и других участников, а вспомогательный персонал, задействованный по ходу работ, насчитывал несколько тысяч человек.

Для выяснения возможностей Северного морского пути, изучения Северного Ледовитого океана и арктического побережья Азии было организовано четыре северных отряда. Первый тихоокеанский отряд совершил плавание к берегам Северной Америки на пакетботах «Св. Петр», где плыл сам капитан-командор, и «Св. Павел».

На обоих судах находились сотрудники Академии наук: на «Св. Петре» адъютант Г.В. Стеллер, составивший описание этого путешествия; на «Св. Павле» – профессор Л. Делиль де ла Кройер. Независимо друг от друга, но почти одновременно оба судна, потерявшие друг друга в тумане, достигли берегов Америки и открыли ряд островов (Каяк, Кадьяк, Шумагинские, Командорские, архипелаг Александра, Алеутская гряда и др.).

Во время обратного плавания и зимовки после повреждения судна на острове, названном позже именем Беринга, умер капитан-командор и 45 из 77 членов экипажа «Св. Петра». В условиях многочисленных трудностей и лишений свои лучшие качества проявил Стеллер, который, исполняя обязанности врача, не прекращал и научных занятий. Им, в частности, во время зимовки открыты, описаны и зарисованы редкое животное из отряда сирен (стеллерова корова) и большой очковый баклан, вскоре полностью истребленные. Значительными были и потери экипажа «Св. Павла»: 15 его членов пропали без вести на одном из островов архипелага Александра (вероятно, их убили индейцы), еще шесть человек, в том числе астроном Делиль де ла Кройер, умерли от цинги.

По: (Элерт, 2007)

В «страну льдов, где приветствуют муз»

1732 г. был обозначен двумя датами, важными для российской науки. В немецком городе Галле 23-летний кандидат богословия Георг Вильгельм Стеллер, увлеченный наукой ботаникой, начал всерьез подумывать о дальних путешествиях. Он только еще не решил, куда отправиться – в Америку или в Сибирь. И то и другое было привлекательно и, как знать, денежно.

В декабре того же года 22-летний Степан Крашенинников, студент московской Славяно-греко-латинской академии (в те времена более известной как Заиконоспасский училищный монастырь), в числе пяти наиболее талантливых и способных к наукам учеников был отправлен в Санкт-Петербург для участия во Второй Камчатской экспедиции. Пути этих молодых людей соприкоснутся лишь через несколько лет, но нити их судеб уже вплелись в единую прядь. И каждому для осуществления своих надежд предстоял длинный и тернистый путь.

Участник Второй Камчатской экспедиции С.П. Крашенинников. Рис. О. Помыткиной по иллюстрации из кн. С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755)

Георг Вильгельм Стеллер (правильно – Штеллер) родился в 1709 г. в небольшом баварском городке Виндсхайме, в многодетной семье кантора и органиста церкви Святого Килиана. Учиться он начал с пяти лет и с раннего возраста поражал мирных бюргеров своей ученостью.

Как лучший из учеников местной гимназии, он в 1729 г. поступил в Виттенбергский университет, бывший в то время одним из важнейших теологических центров Европы. Стеллер даже был именован стипендиатом магистратуры Виндсхайма, однако из-за случившегося в 1730 г. сильного пожара, нанесшего городу большой ущерб, выплата стипендии прекратилась. В Виттенберге Стеллер не только изучал богословие и упражнялся в риторике, но и начал серьезно заниматься медициной и ботаникой.

Одновременно он начал понимать, что университет уже не способен удовлетворить его тягу к получению новых знаний. После некоторых колебаний он выбрал факультет теологии Университета Галле близ г. Лейпцига, который был одной из колыбелей немецкого Просвещения, где в свое время учился и первый президент Санкт-Петербургской академии наук

Л.Л. Блюментрост. Там он посещал лекции по зоологии и медицине, а также продолжил занятия ботаникой, которая в то время изучала преимущественно целебные свойства растений.

В результате Стеллер успешно сдал экзамен у знаменитого немецкого ботаника М.М. Людольфа, чтобы в дальнейшем получить работу дипломированного преподавателя. Однако надежды на получение штатного места не оправдались. В Лейпциге, Йене, Галле – работы нигде не было.

Путь Стеллера в Россию не был прост. Летом 1734 г. в Данциге стояли русские войска: императрица Анна Иоанновна решала здесь «польские вопросы», выгоняя избранного Сеймом короля Станислава и сажая на трон Августа III. А в это время молодой естествоиспытатель с пустым кошельком и великолепными рекомендательными письмами от тайного советника Гофмана и профессора Людольфа искал работу по специальности. Но рекомендательные письма мало стоили в Германии.

В Данциге Стеллер познакомился с будущим графом Петром Петровичем Ласси, ирландцем на русской службе, который стал одним из самых успешных российских полководцев XVIII в. Ласси сам был большим любителем натуральной истории и высоко оценил способности Стеллера. В Данциге много говорилось о больших успехах немцев в России не только при дворе, но и в науках. А фаворит императрицы, курляндский дворянин Эрнст Иоганн Бирон, решавший практически все государственные вопросы, потакал своим соплеменникам. И Стеллер решил отправиться в далекую Россию лекарем на судне, отвозившем больных и раненых русских солдат на родину.

Степан Крашенинников в это время уже был в пути в качестве участника академического отряда вместе с академиками И.Г. Гmeliным и Г.Ф. Миллером. В конце лета 1734 г. он прибыл в Кузнецкий городок, именно его перу принадлежат описания Кольванских заводов на Алтае. По поручению академиков в «Дорожном журнале» он детально описал плавание отряда по р. Томь до Томского городка, тщательно фиксируя обильные поселения как русских, так и «инородцев» по речным берегам. Возможно, именно здесь он отведал «ботаги» от спесивого Миллера, который поминал об этом даже тогда, когда бывший студент стал полноправным академиком.

Крашенинников стал первооткрывателем и знаменитых ныне Томских «писаниц»: «Камень с нарисованными фигурами к реке стоит, высота его около 10 сажень... На всех сих местах маралы, олени, лоси, лошади инде люди и рыбы вырезаны».

Исследователь в деталях описал и черты быта уже практически исчезнувших народов, таких как южные алтайцы («тюлиберские татары»). Так, 28 сентября 1734 г. в своем дневнике он записал: «У сих татар

Феофан Прокопович в архиепископском облачении. Гравюра В.К. Майра (Германия, 1736–1776 гг.). Рейксмузей (Амстердам, Нидерланды). Public Domain

Безусловно, в 1734 г. Феофан, не только иерарх православной церкви, но и писатель, поэт, математик и философ, уже утратил то огромное влияние, которое имел при Петре I, когда был вице-президентом Духовной коллегии. Но тем не менее его авторитет все еще был очень велик. Именно Феофан помог Ломоносову попасть в заветный список студентов, отправляемых за границу для учебы. Он благоволил наукам, и Стеллер полагал, что протекция Феофана поможет и ему продвинуться в научной карьере.

В XVIII в. лекари, знавшие многие тайны своих покровителей, были самыми доверенными людьми вельмож. Достаточно вспомнить, какое влияние имел во время правления Елизаветы Петровны придворный лейб-медик Иоганн Лесток, ставший впоследствии графом и действительным тайным советником. Что касается Стеллера, то молодой немец, очевидно, пришелся по душе отличающемуся суровым нравом архиепископу, который относился к нему вполне по-отечески и закрывал глаза на некоторые упущения по службе, вызванные частыми отлучками для изучения флоры окрестностей Петербурга.

В середине прошлого века в библиотеке Санкт-Петербургской семинарии был обнаружен автограф шуточного стихотворения Прокоповича на латыни, озаглавленного *In moram Stelleri medici* («На промедление Стеллеровых снадобий»). Стихотворение повествует, что, пока Стеллер ищет целебные травы для больного, тот умирает в страшных мучениях. Другие больные изо всех сил цепляются за жизнь и всячески порицают опаздывающего

юрты очень худо построены, иные на подобие русских изб, а иные из досок сделаны, круглые и на подобие башни вверху сведены, и все землю так осыпаны, что издали никак не можно за юрту признать, двери так малы, что немалому человеку почти полском лезть в них надобно. А полу в них нет, а на середине их сделан комель, в котором днем и ночью, зимою и летом огонь беспрестанно кладут...»

Так что ко времени прибытия Стеллера в Россию этот сокурсник Михайло Ломоносова был уже опытным географом и натуралистом.

На берегах Невы

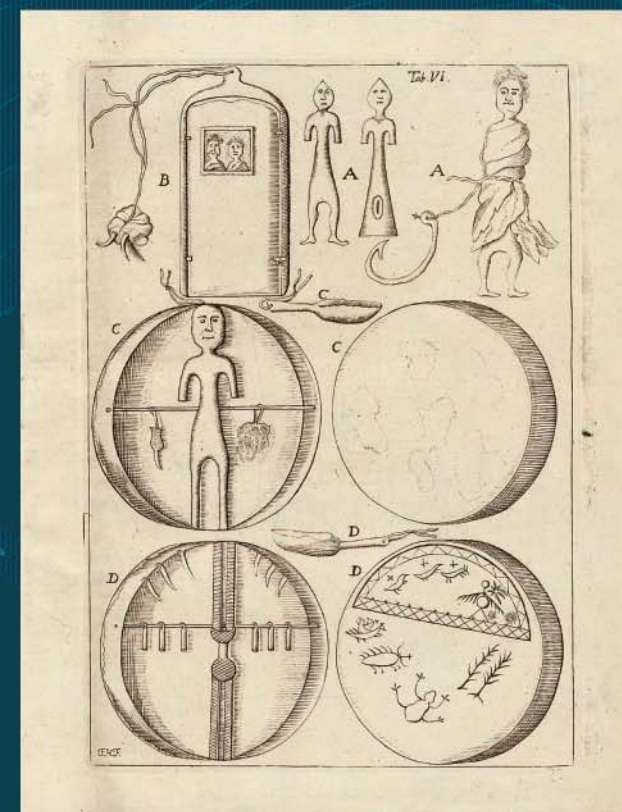
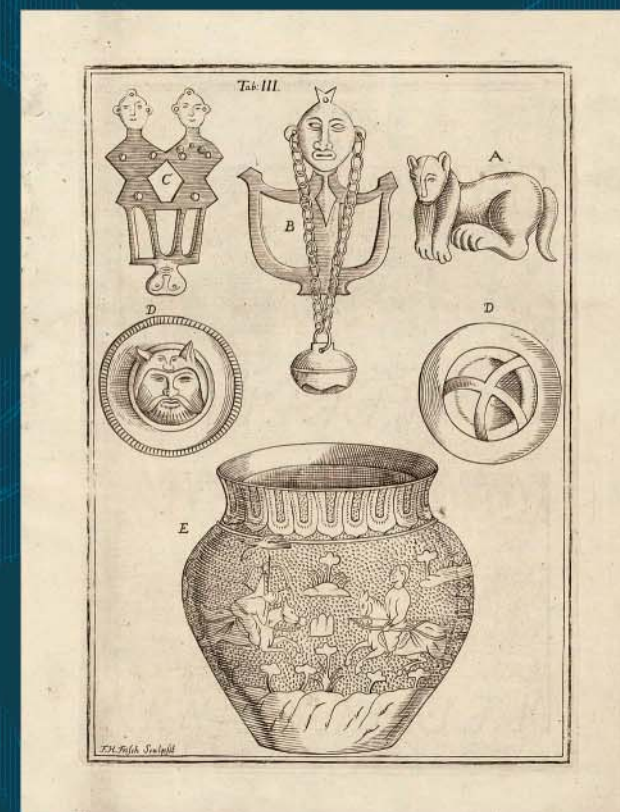
Стеллера в Петербурге никто не ждал. Денег также не было. Розовые мечты, которыми он уживался в Данциге, рухнули под напором серой и безысходной действительности.

В таком подавленном настроении молодой ученый приходил в академический сад, который был хорош даже по европейским меркам. Именно там он познакомился с садовником Гансом, обещавшим ему помочь. И такой случай представился. По словам будущего коллеги Стеллера, Гмелина, «...немного спустя после приезда г. Стеллера в Петербург для веселого его нрава взял к себе в дом бывший архиепископ новгородский Феофан, а за пользование больных его служителей определил ему годовое жалование» (цит. по: Пекарский, 1870).

Вид на берега Невы, справа – спускающиеся к реке здания Академии наук. Гравюра по оригиналу М.И. Махаева по рис. Л.Н. де Леспинас, 1788–1795 гг. Public Domain

Д. Г. Мессершмидт совершил трудное исследовательское путешествие по Сибири, несмотря на «личные ограниченные силы, при слабой физической конституции», как писал сам исследователь. На гравюрах изображены находки, сделанные и зарисованные во время его путешествия с Ф. И. Страленбергом. Слева – медные фигурки и украшения конской упряжи, в том числе фалар с изображением головы Геракла, а также сосуд с изображением сцены охоты. Справа – изображения бубнов и медных «идолов», «найденных у Барабинских татар». Гравюры Ф.Х. Фриша из кн. Ф.И. Страленберга *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* (Северная и Восточная части Европы и Азии). Stockholm, 1730. По: (Копанева, 2014)

Рисунки, выполненные для кн. И. Х. Буксбаума *Centuria... III* (1724–1728). Неизвестный художник. Акварель, карандаш, белила. Атрибуция А. К. Сытина:

а – верхняя часть побега чины редкоцветковой и изображение боба. ПФА РАН. Р. 1, оп. 19, д. 4, л. 262. 21.

б – вегетативный побег сигезбекии восточной с изображением соцветия и препарированного цветка. ПФА РАН. Р. 1, оп. 19, д. 4, л. 287.

в – верхняя часть побега заразики городчатой. ПФА РАН. Р. 1, оп. 19, д. 4, л. 232. 19

Составной частью Академии наук была Кунсткамера. В ее ботаническую коллекцию входил не только богатый гербарий, но и рисунки растений, которые создавались как непосредственно в полевых условиях, так и по наброскам и эскизам уже в Петербурге. Особо в Кунсткамере хранились акварели, опубликованные в труде петербургского профессора И. Х. Буксбаума *Plantarum minus cognitarum complectens plantas circa Bysantium et in Oriente observatas... Centuria 1-5* (1728–1740) – первом научном издании Санкт-Петербургской Академии наук (Копанева, 2006)

Иоганн Альбрехт фон Корф, русский дипломат, президент Санкт-Петербургской Академии наук в 1734–1740 гг. Из кн. К. Бурге *Det Danske Frimurers Historie*, том 1 (1910). Public Domain

Барон И. А. Корф родился в Курляндии. Закончив обучение в Йенском университете, поступил на службу ко двору вдовствующей герцогини курляндской Анны Иоанновны. Став русской императрицей, Анна Иоанновна не оставила и своего камер-юнкера. В сентябре 1734 г. Корф был назначен президентом Санкт-Петербургской Академии наук. С Академией, во всяком случае с ее Книжной лавкой, у Корфа были налаженные связи: большой любитель книг, он собрал одну из крупнейших (около 34 000 томов) библиотек России того времени. Вступив в должность президента Академии, Корф принялся поправлять совершенно расстроенные финансовые дела. Он сделал и первые попытки создания научных структур в рамках Академии. В частности, при нем был организован Географический департамент и «академический отряд» в составе Второй Камчатской экспедиции. Корф занялся и воплощением в жизнь проекта Петра I об обучении природных россиян в разных областях науки. Именно при Корфе из московской Славяно-греко-латинской академии были присланы ученики для продолжения обучения в Академии, включая Степана Крашенинникова, а трое из них, в том числе Михайло Ломоносов, были отправлены для получения образования в Германию (Копанев, 2013)

врача. Наконец тот появляется, рассерженный на Судьбу за то, что она осмеливается его опередить. Это стихотворение свидетельствует о теплом отношении Прокоповича к своему лекарю, который усердно занимался не только лечением больных.

Стеллер встречался со многими влиятельными лицами в Академии, слушал рассказы бывалых людей. В доме Феофана он мог познакомиться с Даниэлем Готтлибом Мессершмидтом, немецким врачом и ботаником на русской службе, который по указу Петра I совершил путешествие в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян и прочих статей в лекарственные составы». Прокопович принимал участие в судьбе Мессершмидта, который к этому времени почти ослеп, бедствовал и посещал архиепископа в сопровождении своей молодой супруги. Стеллер часами мог слушать рассказы путешественника о «великолепии природы и ужасах варварской страны».

Стеллер познакомился и с профессором ботаники и естественной истории, врачом Иоганном Амманом. Он помогал ему в работе в Ботаническом саду Академии на Васильевском острове, который основал Аман, и собирал для него гербарии в окрестностях столицы.

В 1735 г. по протекции Феофана Стеллер предстал перед бароном Иоганном Альбрехтом Корфом, не просто видным царедворцем, но и широко образованным человеком и библиофилом, который в то время исполнял должность президента Академии. Это решило дальнейшую участь молодого немца.

Адъюнкт натуральной истории

28 июля 1736 г. Корф известил своего советника Ивана Даниловича Шумахера, что «некто медик по имени Стеллер, бывший у Его Преосвященства Архиепископа Новгородского, высказал желание, чтоб его послали в Камчатку в качестве ботаника, и ему отвечено, что если не выписан на это место кто другой, то он будет принят во внимание к рекомендации Архиепископа».

Но хотя императрица Анна Иоанновна еще в 1735 г. разрешила послать вдогонку Гмелину, Миллеру и Делиль де ла Кройеру еще двух ученых, Шумахер не торопился. Контракт со Стеллером был заключен лишь в феврале 1737 г., когда академики после достаточного испытания убедились, что будущий адъюнкт натуральной истории довольно искушен в ботанике и выказывает необычайное прилежание в исследовании растений и других предметов естественной истории.

Несмотря на нетерпение новоиспеченного «помощника профессора», решения Сената о поездке на Камчатку пришлось ждать до августа. А дела амурные не позволили Стеллеру сразу же отправиться в дорогу. Он женился на вдове Мессершмидта и надеялся, что несравненная Бригитта как верная подруга будет сопровождать его

Вот как описывает этот путь леди Джейн Рондо, супруга английского министра при российском дворе, в письмах к своей приятельнице в Англии: «Мы выехали пятого марта на саних. Сани похожи на деревянную колыбель и обиты кожей. Вы ложитесь на постель, устланную и покрытую мехами; в саних помещается только один человек, что очень неудобно, так как не с кем поговорить. Мы ехали днем и ночью и прибыли сюда [в Москву] девятого. Вы скажете, что я слишком бегло описываю путешествие, но что тут рассказывать? Нашим пристанищем каждый раз служила одна маленькая задымленная комната, где мы останавливались поменять лошадей и поесть то, что взяли с собой. Люди изо всех сил стараются услужить, но видишь, что человеческая порода настолько унижена, встречаешь таких жалких и несчастных бедняг, что они, кажется, только по виду напоминают человеческие существа» (цит. по: Анисимов, 1996).

Неудивительно, что жена Стеллера, прокатившись из Петербурга в Москву и ярко представив себе дальнейший, в десять раз больший путь, отказалась от путешествия.

«Был в силах совершить такое великое дело»

К моменту отъезда Стеллера в экспедицию ему исполнилось 29 лет. Каким он был в то время? Безусловно, очень талантливым натуралистом, но человеком, скорее всего, неуравновешенным. Стеллер преисполнился важности своего поручения, но он был уже не первым. И это не могло не сказаться на его дальнейшем поведении.

Фрагмент Генеральной карты Российской империи 1745 г., на которой отмечен маршрут Г. В. Стеллера во время его путешествия по Сибири. На обратном пути в Петербург Стеллеру пришлось из-за доноса вернуться из Tobolska в Иркутск, а потом вновь продолжить путь по тому же маршруту. Но доехал он только до Тюмени, где и скончался

Вид на г. Tobolsk с р. Иртыш. Вторая половина XVIII в. Public Domain

в опасном путешествии. Но молодая жена, добравшись только до Москвы, наотрез отказалась ехать дальше. Так что путешествие Стеллера началось лишь в следующем году.

Почему жена не последовала за Стеллером, можно только догадываться. Есть мнение, что «она находила более удовольствия остаться в Петербурге, окруженную своими обожателями» (цит. по: Пекарский, 1870). Но главной причиной могли стать тягостные впечатления от самой дороги.

Путешествие проходило неровно. Сначала он в ожидании экспедиционных грузов надолго задержался в Соликамске Пермской губернии, где меценат и любитель ботаники Г.А. Демидов, учившийся у самого К. Линнея, заложил в своей фамильной вотчине один из первых в России ботанических садов. В Томске Стеллер сильно занемог и только 20 января 1739 г. встретился в Енисейске с академиками Гмелиным и Миллером. Академики были рады появлению нового сотоварища. В первую очередь, очевидно, потому, что к этому времени они уже устали и у них не было желания продолжить поездку дальше, на Камчатку. Приезд Стеллера обеспечивал выполнение задач, которые стояли перед академическим отрядом.

В третьем томе издания своих полевых дневников «Путешествия по Сибири в 1733–1743 гг.» Гмелин дал великолепный портрет Стеллера, каким он был в начале путешествия. «Мы очень обрадовались, что этот даровитый человек после краткого пребывания здесь достаточно показал, что он был в силах совершить такое великое дело и добровольно сам предложил себя к выполнению его. Если бы мне пришлось совершить это путешествие, то должен откровенно сознаться в том, что обошлось бы гораздо дороже Ея Величеству. Для моих занятий я бы взял с собою более людей, а для них потребовалось бы более продовольствия и, следовательно, значительных издержек на переезд.

Могли сколько угодно представлять Стеллеру обо всех чрезвычайных невзгодах, ожидающих его в этих путешествиях, – это служило только большим побуждением к тому трудному предприятию, к которому совершенное им до сих пор путешествие служило только как бы подготовкою. Он вовсе не был обременен платьем. <...> У него был один сосуд для питья и пива, и меда, и водки. Вина ему

Вид на г. Иркутск с севера. Начало XIX в. Public Domain

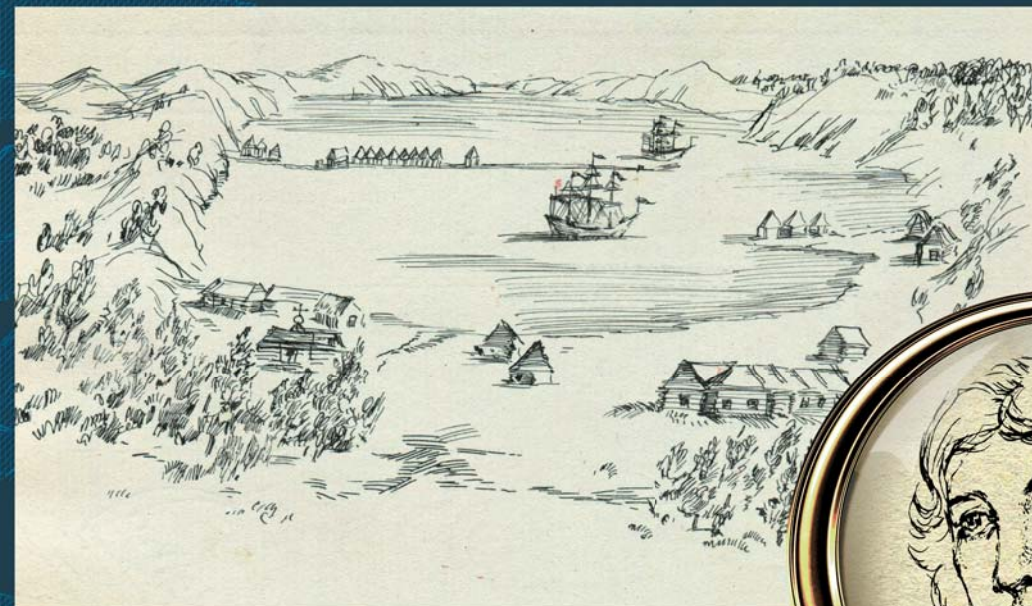
вовсе не требовалось. Он имел одну посудину, из которой ел и в которой готовились все его кушанья; причем он не употреблял никакого повара. Он стряпал все сам и, причем, с такими малыми затеями, что суп, зелень и говядина клались разом в один и тот же горшок и таким образом варились. В рабочей комнате Стеллер очень просто мог переносить чад от стряпни.

Ни парика, ни пудры он не употреблял, и всякий сапог и башмак был ему впору. При этом его нисколько не огорчали лишения в жизни; всегда он был в хорошем расположении, и чем более было вокруг него кутерьмы, тем веселее становился он. У него не было печалей, кроме одной, но от нее он хотел отделаться, и, следовательно, она служила ему более побуждением предпринимать все, чтобы только забыть ее.

Вместе с тем мы заметили, что, несмотря на всю беспорядочность, высказываемую им в образе жизни, однако, при производстве наблюдений был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях; так что при этом отношении у нас не было ни малейшего беспокойства. Ему было нипочем проголодать весь день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки.

По сути, это все, что мы объективно знаем о Стеллере. Как адъютант Академии при Камчатской экспедиции, он получал 660 рублей в год (Ломоносову в той же должности в Санкт-Петербурге платили только 360 рублей), а студент Крашенинников, самостоятельно выполнявший исследования на Камчатке, – всего 100 рублей. Но Стеллер оставил молодую жену, которая вернулась в столицу и на которую уходила большая часть его жалования. Отсюда, возможно, его неприязнительность в жизни и поиск приключений и опасностей – как способ добывания и экономии средств.

Академики дали задание Стеллеру обследовать Камчатку вместе с Крашенинниковым. Последний уже два года был там: летом 1737 г. он отправился туда из Якутска после трехлетней совместной работы с Гмелиным, отделившись от других участников экспедиции.

Петропавловская гавань в 1740 г. На рейде стоят суда экспедиции. Рис. О. Помыткиной по рисунку из кн. С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755)

Предположительно портрет Г.В. Стеллера, выполненный в г. Данциге перед его отъездом в Россию. Рис. О. Помыткиной по карандашному рисунку на картоне

«Ненасытное желание посетить чужие земли и обследовать их состояние и диковины»

23 марта 1739 г. Стеллер прибыл в Иркутск, где предпринял несколько поездок по оз. Байкал и р. Витим. Он также совершил путешествие в г. Кяхту, бывший в то время главным центром русско-китайской торговли, за китайской бумагой, необходимой для закладки растений в гербарий. Все эти действия он совершил по собственному почину, сообщая о своих планах только в Санкт-Петербург.

Стеллер ощущал себя самостоятельным посланником Академии и считал ниже своего достоинства подчиняться длинным инструкциям чопорного Гмелина. Последний же полагал, что адъютант Стеллер по положению лишь немногим выше студентов, но много ниже «благородных профессоров». Мнение Гмелина о Стеллере изменилось к худшему, и в дальнейшем между ними уже никогда не было согласия.

Молодой натуралист всячески выказывал свою значимость. В одном из своих донесений в Сенат он просит об увеличении жалования до академического себе и живописцу Иоганну Христиану Беркхану в связи с предстоящими большими трудностями. В том же донесении он указывает, что нужны также деньги для поддержки студентов Крашенинникова и Горланова, которые проводили самостоятельные исследования. «Степан Крашенинников и Александр Горланов, как оные из С.-Петербурга отправлялись, то были в молодых летах и малы [Крашенинников был только на два года моложе Стеллера], а ныне находятся в совершенном возрасте, и из определенного им жалования 100 рублей

провианту купить и лошадей нанять не могли б, ежели б оным я помощи не учинил из моих собственных денег взаем».

Как тогда складывались отношения самого Крашенинникова и Стеллера, неизвестно. Согласно предписанию академиков, Крашенинников должен был включиться в команду Стеллера и передать все свои материалы, собранные на Камчатке. В дальнейшем Стеллер широко использовал эти данные; с другой стороны, сам Крашенинников впоследствии задействовал все собранные материалы по флоре и фауне Камчатки в своей работе «Описание земли Камчатской».

И все же заносчивость Стеллера становилась помехой делу изучения громадной территории. Везде он видел соперников своих открытий, завистников своих еще не сделанных успехов. Он начинает сочинять секретные проекты для Сената по улучшению правления на Камчатке, заключающиеся в постройке новых острогов, а для священного Синода – проекты, в которых предлагает легчайшие способы обращения камчадалов в христианскую веру. Возможно, таким образом он пытался

Купырь лесной, или морковник лесной (*Anthriscus sylvestris*), – растение из семейства зонтичных, достигающее 1,5 м высоты. Фото автора

Г.В. Стеллер: «“Ашельхут” (на обоих языках) является разновидностью *myrrhidis* и именуется казаками морковником, потому что его цветочные стебли вкусом своим напоминают морковь. Стебли этого растения собирают в июне, квасят их подобно капусте, и отвар служит питьем вместо кваса; сами же стебли заменяют капусту или овощную приправу»

Медуница лекарственная (*Pulmonaria officinalis*) из семейства бурачниковые чаще всего используется в народной медицине для лечения респираторных заболеваний. Гербарий ЦСБС (Новосибирск)

Г.В. Стеллер: «Вотяки (удмурты) в апреле и мае отваривают медуницу (*Pulmonaria*) и затем пьют отвар вместе с травой. Траву называют “Zusni pisni”»

Г.В. Стеллер: «Черемуха (*Cerasus racemosa*, или *Padus theophrasti*) доставляет русским, а также всем татарским народам различную пищу и напитки. Русские, особенно жители Томска, отлично умеют сушить эти ягоды в печи. Сушеную черемуху они предлагают гостям в виде десерта, ее разгрызают зубами вместе с косточками и глотают. Свежие ягоды черемухи – любимое лакомство у русских, а также и у татарских племен. Даже у медведей этим летом из-за ягод от реки Оби до Чулима возникали кровавые побоища, поскольку и они употребляют эти ягоды в пищу. Люди пекут в печи пироги с черемухой, а иногда толкут свежие ягоды, наполняют ими бочку до половины, заливают кипятком, потом ставят в кладовую, закрывают и там хранят до тех пор, пока вся краска не перейдет в воду и вода не приобретет цвет красного вина. Этот напиток, слив, отделяют от ягод. Его предлагают гостям вместо красного вина. Нелегко отличить его от вин дешевой марки»

Белена черная (*Hyoscyamus niger*) из семейства пасленовых издавна использовалась как сильное болеутоляющее и противоспазматическое средство. Очень ядовита. Гербарий ЦСБС (Новосибирск)

Г.В. Стеллер: «Белену (*Hyoscyamus*) вместе с корнями, листьями и цветками русские в России и в Сибири в банях жгут в печи или в шутку, или из других соображений. Моющиеся в бане от этого впадают на некоторое время в беспамятство или совершают забавные сумасбродства в течение нескольких часов. Русские называют эту траву “белена-трава”»

Г.В. Стеллер: «“Кадаход”, “итха” – на Большой реке, по-русски – лебяжий корень, представляет собою корень растения *Populagine*. Его туземцы весной выбирают из ручьев и ключей, кладут в деревянные корыта, заливают водой и варят, опуская в воду раскаленные камни. Я сам ел его вареным с мясом или приправленным уксусом и растительным маслом вместо салата; вкусом он почти одинаков со спаржею. При употреблении в пищу в свежем виде эти корни вызывают воспаление горла»

Калужница болотная, или лебяжий корень (*Caltha palustris*), – многолетник из семейства лютиковых. Все части растения токсичны. Фото автора

укрепить свой авторитет в экспедиции и стать равным партнером для признанных профессоров.

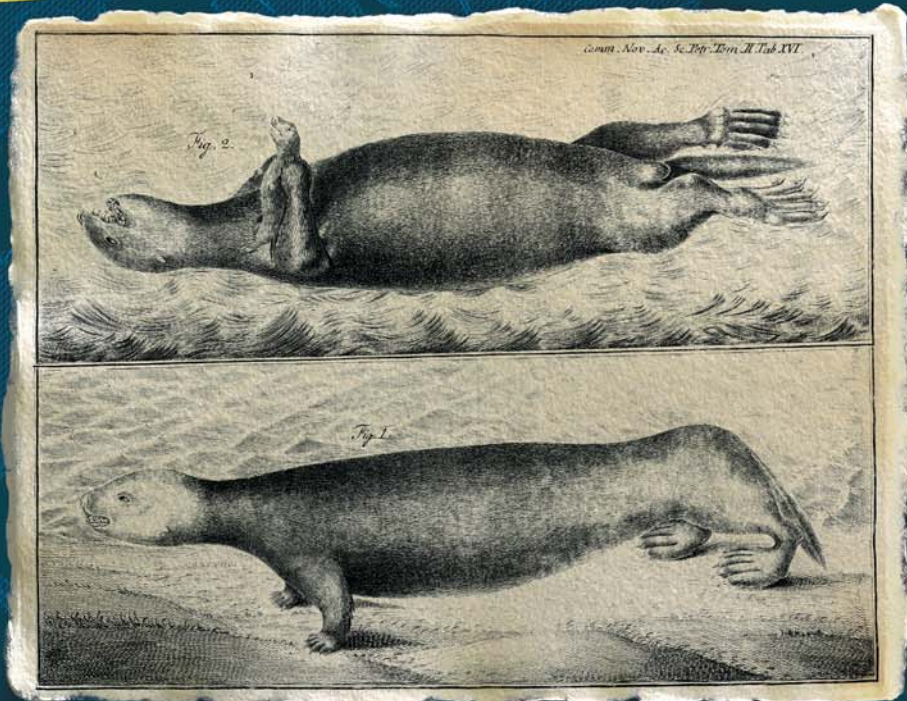
Согласно инструкции, Стеллер должен был находиться в Охотске и на Камчатке в качестве натуралиста и описывать «...все до истории натуральной и политической касающееся, и чинить во всех местах, где прилично будет, физические и метеорологические наблюдения». Но его неутомимая натура хотела большего.

Еще весной 1740 г., по пути на Камчатку Стеллер пишет донесение в Сенат с просьбой, что «...ежели паче чаяния, вторично будет направлен в Японию капитан господин М. П. Шпанберг [глава самостоятельного отряда Второй Камчатской экспедиции, посланного для осмотра берегов Японии и описи Курильских островов и реки Амур], то б и он с ним отправлен был» (именно в это время он шлет просьбу об увеличении жалованья). Позже, узнав, что капитан-командор В. Беринг,

Маршрут отряда Второй Камчатской экспедиции под непосредственным руководством капитан-командора В. Беринга

На Камчатке Стеллер собрал огромный материал не только по ботанике, но и по зоологии, а также по культуре и быту аборигенного населения. В отдельном труде, опубликованном спустя 10 лет после его смерти, он подробно описал малоизвестных морских животных, которых ловят от Камчатки до Курильских островов. Среди них – «морской бобр, или морская выдра», иначе – калан, хищное млекопитающее из семейства куньих с самым ценным мехом (справа). Рис. из кн. Г. В. Стеллера *De Bestiis Marinis, or The Beasts of the Sea* (1751). Public Domain

руководитель Второй Камчатской экспедиции, направляется на поиски берегов Америки, он шлет в Сенат другое письмо, где говорит «о ненасытном желании посетить чужие земли и обследовать их состояние и диковины...» и о договоренности с Берингом.

Ситуация складывалась щекотливая: получив разрешение на поездку к Южным Курилам и не дождавшись ответа Сената, Стеллер в конце концов отправился в плавание к американским берегам. В этом поступке проявился весь авантюристический склад характера ученого.

..Осенью 1741 г. случается еще одно космическое пересечение событий. 25 сентября этого года великий Карл Линней читает свою первую лекцию в родном Уппсальском университете. Степан Крашенинников, закончив свои труды на Камчатке, в сентябре венчается в Якутске с дочерью местного воеводы. А Стеллер той же осенью начинает исполнять свое главное предназначение – стать первым ученым, посетившим северо-западный берег Северной Америки, которая впоследствии стала именоваться Русской Америкой.

Идуший за горизонт

По вызову капитан-командора Беринга Стеллер прибыл в Петропавловскую гавань для участия в морском путешествии. И остался очень недоволен приемом, который ему оказали сам командор и старшие офицеры. Беринг, продукт петровской эпохи, был очень жестким человеком, и, как ученый, Стеллер был для него лишней обузой. В свою очередь, Стеллер тут же написал жалобу в Сенат, где сетовал, что его приняли не по сану и что ни к какому совету Беринг не прислушивается.

Тем не менее 4 июня 1741 г. свершилось событие, о котором натуралисты Европы мечтали весь XVIII в.: на пакетботе «Святой Петр» ученый отправился к берегам неведомых земель. 15 июля именно Стеллер первым

на стр. 44

Арка Стеллера – базальтовый останец высотой 20,6 м на юго-западном берегу о. Беринга, памятник природы регионального значения. © CC BY-SA 4.0/Чуян Галина Николаевна

Морская корова, или стеллерова корова (*Hydrodamalis gigas*), – вымершее морское млекопитающее из отряда сирен, обитавшее вблизи Командорских островов. Была открыта в 1741 г. экспедицией В. Беринга и подробно описана натуралистом и врачом экспедиции Г. В. Стеллером

Вверху – скелет морской коровы в Музее естествознания (Хельсинки, Финляндия).
Public Domain Dedication

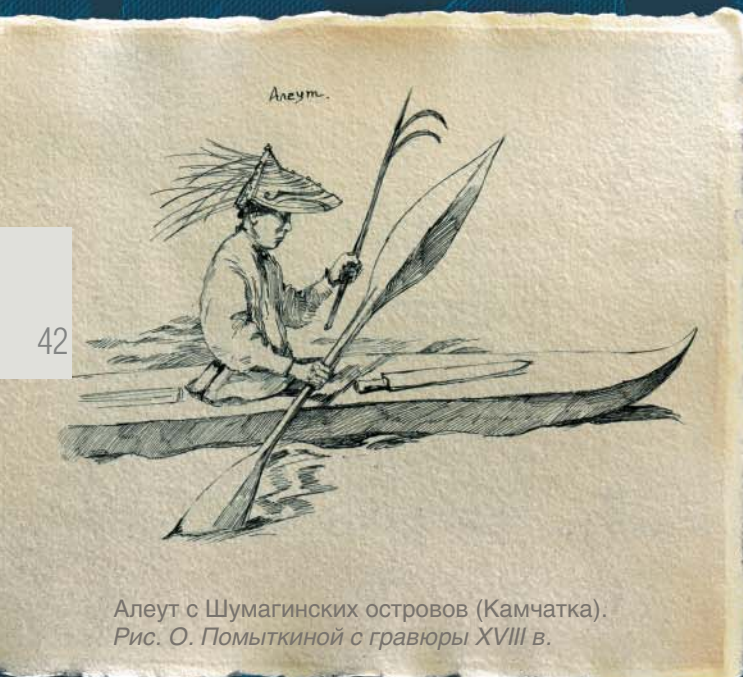
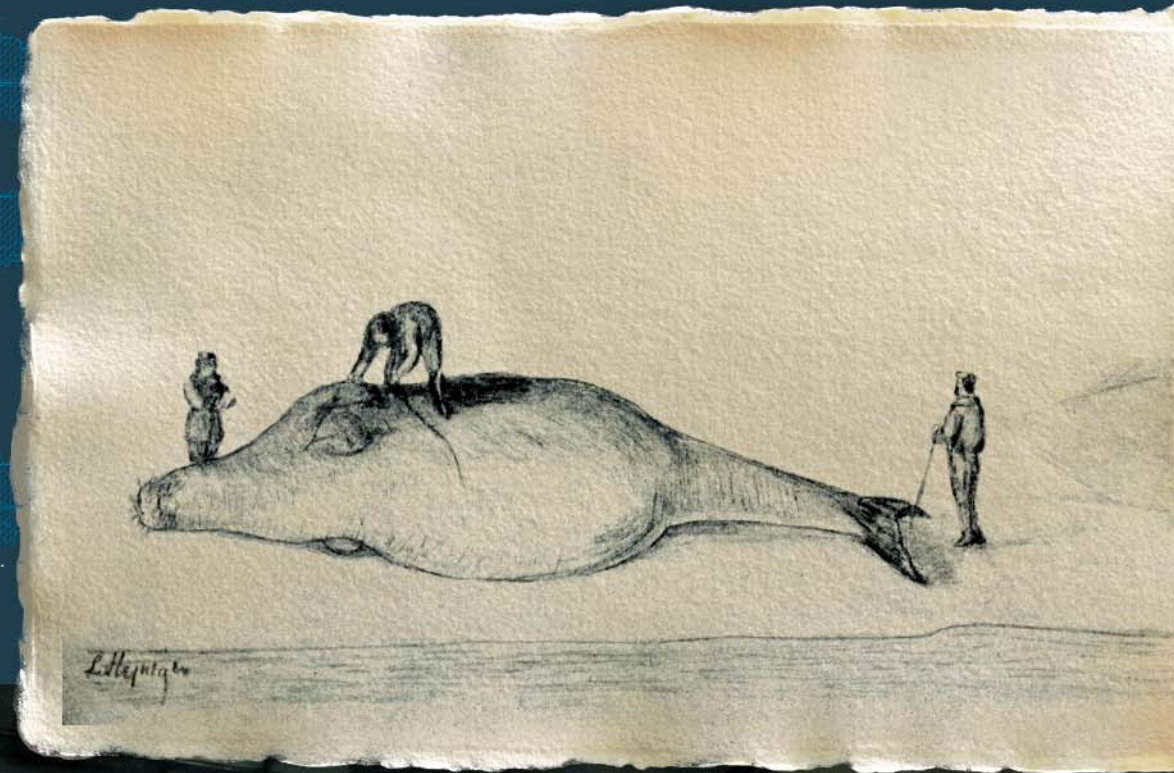
Г. В. Стеллер: «Самые крупные из этих животных имеют от четырех до пяти сажень в длину и три с половиной сажени в толщину в районе пупа, где они толще всего. Сверху до пупа они схожи с сухопутным животным; от него до хвоста – с рыбой.

Череп несколько не отличается от лошадиного, но когда он еще покрыт шкурой и мясом, то напоминает голову буйвола, особенно губами. На месте зубов у него во рту две широкие кости, одна из них прикреплена к небу наверху, а другая – изнутри к нижней челюсти. Обе они снабжены множеством кривых борозд и выступающих гребней, с помощью которых они перетирают водоросли, свою обычную еду...

Вес животного со шкурой, мышцами, мясом, костями и внутренностями я оцениваю в 200 пудов, или 80 коротких центнеров [около 3,3 т] ...

Жир не маслянист, а жестковат, бел, как снег; если он полегит несколько дней на солнце, то становится приятно желтым, как лучшее голландское масло. Топленый, он превосходит вкусом лучший говяжий жир; ...исключительно приятен запахом и весьма питателен, так что мы пили его чашками, не испытывая никакого отвращения. Хвост состоит почти исключительно из жира. Мясо детенышей напоминает поросенка, мясо взрослых – телятину; оно варится в течение получаса и при этом так разбухает, что увеличивается в объеме почти вдвое. Мясо старых животных не отличить от говядины... Насколько целебно оно для питания, мы вскоре испытали на себе, особенно те, кто пострадал от последствий цинги»

Г. В. Стеллер измеряет морскую корову на о. Беринга 12 июля 1742 г. Художественная реконструкция. Рис. из кн. Ф. А. Голдера и Л. Стейнгера «Путешествия Беринга: отчет об усилиях русских по установлению связи между Азией и Америкой» (1922). Public Domain

Алеут с Шумагинских островов (Камчатка).
Рис. О. Помыткиной с гравюры XVIII в.

Модель и скелет морской коровы в Научно-исследовательском институте вымерших животных в Нагое (Япония).
© CC BY-SA 4.0/ KKPCW

Крест в память экспедиции Беринга, установленный в бухте Командор во второй половине XIX в.
Рис. О. Помыткиной по рисунку Л. Стейнегера, 1892

увидел Америку, оставив об этом запись в дневнике: «Она не была еще столь четко видна, чтобы определить ее очертания, от этого отмахнулись как от моей обычной причуды. Но на следующий день при чрезвычайно ясной погоде мы увидели ее точно там же. Земля в этом месте была высокой. Мы увидели горный хребет, простирающийся в глубь суши, при этом столь возвышенный, что с моря он был ясно виден за 16 немецких миль» (цит. по: Стеллер, 1988).

На следующий день судно наконец достигло американских берегов. Но только с помощью жалоб, угроз и скандалов Стеллеру удалось в течение лишь нескольких часов поработать на о. Каяк, расположенном в заливе Аляска. В спешном порядке он собирает растения и предметы быта американских жителей, брошенные на берегу. В дальнейших перипетиях все собранное им там погибло.

В том году путешественникам не удалось вернуться в гавань Петропавловска-Камчатского. Весь сентябрь и октябрь на море сильно штормило, матросы и казаки мучились от цинги, и сам капитан-командор был тяжело болен. 5 ноября они увидели землю, очертаниями похожую на берег Камчатки, и вошли в бухту, по словам Стеллера, «ни о чем не заботясь». Но это был не материк, а неизвестный остров, который впоследствии назовут именем Беринга. Так началась тяжелейшая зимовка, которая привела к гибели и самого Беринга, и многих членов его команды.

Но натуралист, привыкший к спартанской жизни, не унывал: он был и лекарем, облегчая страдания больных и поддерживая здоровых, и поваром. Лейтенант Свен Вексель из экипажа Беринга так характеризовал его: «большую услугу оказал нам при этом адъютант Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы; из которых мы приготавливали чай, что приносило заметную пользу нашему здоровью. Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не вошел в полную силу, пока не стал получать в пищу и вообще пользоваться свежей зеленью, травами и кореньями» (цит. по: Вексель, 1940).

Даже в этих условиях Стеллер не прекращал научной работы. В Архиве РАН в Санкт-Петербурге сохранились две его рукописи, посвященные флоре Командорских островов: «Каталог растений на острове Беринга, наблюдаемых в 1742 г.», где было описано 218 видов, а также «Описание редких растений острова Беринга, в 1742 г. наблюдаемых», включающее 51 вид.

Даром богов для русских моряков стала «капустница», или, как ее в дальнейшем назовут, *стеллерова корова*. Стеллер стал единственным ученым, которому довелось увидеть это морское млекопитающее в живом виде. Морская корова обладала большими размерами и вкусным мясом, а охотиться на нее не представляло никакого труда. Как писал Стеллер, «в любое время года этих животных можно найти повсюду вокруг острова в таком количестве, что все побережье Камчатки могло бы постоянно щедро снабжать себя их жиром и мясом». Но знакомство с европейским человеком было для этого уникального животного трагичным.

Рябчик камчатский (*Fritillaria camtschatcensis*) – многолетник из семейства лилейных. Фото автора

Г.В. Стеллер: «“Сарана” – по-татарски, “аугч” – по-ительменски – часть луковицы турецких пучковых лилий... Все эти луковицы в большой цене у камчатского населения; их употребляют в пищу как в сыром виде, так и сваренными с рыбою. Туземцы делают из них пироги или пирожки, пюре, по-русски называемое салама-том; поджаривают их на рыбьем жиру. Они ежегодно делают значительные их запасы, которые сушат на солнце»

Плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*) – споровое вечнозеленое растение из семейства плауновых. Порошок из спор издавна применяют для присыпки опрелостей у младенцев. Гербарий ЦСБС (Новосибирск)

Г.В. Стеллер: «Плаун (*Lycopodium*) с листьями, как у можжевельника, сибиряки называют “золотуха”. Эту траву они варят в воде, отвар употребляют: 1) для изгнания плода, 2) для ускорения правильных родов, 3) для лечения желтухи, 4) для лечения трехдневной лихорадки»

Возможно, именно слова Стеллера привели к тому, что уже через четверть века популяция морских коров близ о. Беринга была полностью истреблена.

Надежды, что команду Беринга вызволят с необитаемого острова, не было, и, построив из остатков разрушенного штормами старого судна новое, весной 1742 г.

Стеллер успел обработать меньшую часть собранных им материалов. Среди его многочисленных работ, по большей части оставшихся в рукописи, для этнографии Сибири особенно интересны созданные в 1742–1743 гг. «Описание всего того, что в морском вояже видеть и наблюдать случилось» и «Гистория Камчатская». Обе работы были использованы С. П. Крашенинниковым в его печатном труде, опубликованном раньше, чем эти произведения. А «Сибирская флора» И. Г. Гмелина полна ссылок на неизданные работы Стеллера, особенно на его «Иркутскую флору», включавшую описание до 1100 растений

путешественники вернулись на Камчатку, где их считали давно погибшими. И даже в этот раз Стеллер привез с собой собранный им гербарий.

При слове «37» в момент слетает хмель...

Вернувшись, Стеллер продолжил свои научные изыскания и совершил ряд путешествий, собрав большой фактический материал. 3 августа 1744 г. он отправляет 16 ящиков с различными предметами натуральной истории, с распоряжением, чтобы ящики были опечатаны и не вскрывались до Петербурга. Однако печати ему не поставили, а в Иркутске академики вскрыли ящики и препроводили багаж дальше уже от своего имени.

Очевидно, именно в это время отношения между Стеллером и академиками достигли наибольшего напряжения. Что касается Степана Крашенинникова, то Стеллер в категорической форме потребовал сдать ему все материалы по Камчатке, которые тот собирал в течение четырех лет.

Крашенинников, безусловно, был много опытнее Стеллера. Плоть от плоти русского народа, он не только обладал знаниями натуралиста, но и был хорошо знаком с обычаями и бытом населения Камчатки. В этом смысле суждения Стеллера были, мягко говоря, малокомпетентны. Чего стоит, к примеру, его рекомендация якутской администрации, что русские на Камчатке могут совсем обойтись без хлеба, питаясь только местной рыбой и корнем (луковицами) сараны. И что это можно быстро ввести в обиход без угрозы для здоровья. При этом Стеллер ссылался на свой собственный опыт: «от употребления по тамошнему обыкновению корму никакой скуки для себя не имел».

Ученый много ездил по Камчатскому краю, посещал остроги и, имея горячий нрав, не раз пытался облегчить участь местного населения, которое опаивали и обкрадывали русские чиновники и купцы. В частности, он дал показания против мичмана В.А. Хметевского, отличавшегося большой жестокостью к камчадалам. В ответ мичман слал доносы на Стеллера, в которых

«жидовской вишне», множеством мелких белых семян. Растение это цветет в июне и дает плод в сентябре; оно часто встречается на Камчатке и обладает приятным сладковато-кислым вкусом. Вкушение его плода вызывает очень спокойный сон. Ительмены называют его плоды яблоками по их сходству с последними»

выдвигал обвинения, что тот самолично отпустил из Большерецкого острога камчадалов, якобы бывших зачинщиками бунта против русских.

Стеллер дал свои разъяснения в Иркутской канцелярии в конце 1745 г., и они были признаны достаточными. Но курьезы российской бюрократии привели к тому, что Сенат, не получив необходимых бумаг из Иркутска, назначил новое расследование.

Стеллера, который уже был на пути в Санкт-Петербург, 25 марта 1746 г. по указу Сената под конвоем сопроводили из Соликамска обратно в Иркутск. Расстояние между этими городами немалое, а в XVIII в. такое путешествие могло растянуться на несколько месяцев. Но пока сенатский курьер вез подследственного в Иркутск, в Сенат дошли документы иркутской канцелярии, в которых говорилось о невиновности Стеллера. Немедленно был снаряжен другой курьер, который догнал Стеллера в Таре.

Теперь можно было возвращаться в Санкт-Петербург, где его ждала (или уже не ждала) молодая жена. Стеллер торопился в столицу, но в Тобольске у него проявились признаки «горячки». Не слушая советов и не желая медлить, он решил доехать до Соликамска, но это ему не удалось.

12 ноября 1746 г. Стеллер скончался в Тюмени в возрасте 37 лет. При его смерти присутствовали два немецких медика, которые распорядились его вещами. Или, другими словами, «поживились стеллеровскими пожитками и много содействовали смутным толкам о его смерти» (Пекарский, 1870). А толки эти были: немецкий издатель И.Б. Шеррер, первым опубликовавший труд Стеллера «Описание земли Камчатки», озвучил историю, что того пьяного ямщики забыли в саях, где он и замерз. Но эта версия не выдерживает критики, поскольку Стеллер перед смертью успел оставить завещание. Да и памятуя характеристику, данную ему Гмелиным, такое вряд ли могло быть правдой.

От чего же умер талантливый, но так до конца и не реализовавшийся естествоиспытатель? Было ли это воспаление легких, которое нетрудно получить, путешествуя поздней осенью, или он так и не оправился от обвинений и оправданий и его хватил «нервный удар»? Этого мы уже не узнаем.

Так оборвалась яркая, но короткая ниточка жизни одного из самых таинственных и недооцененных натуралистов России. Ведь несмотря на все трудности пути, горячность и некоторую неакадемическую несдержанность, Георгу Вильгельму Стеллеру удалось сделать немало. Чаще всего его вспоминают как зоолога, но он прежде всего был ботаником.

Только вот занятия этой наукой были в то время очень затратными. Бумаги не было, поэтому и везли растения как придется: или семенами, или живыми экземпляра-

ми. В последнем донесении в Сенат Стеллер писал с горечью: «Великое множество редких моих растущих вещей и кустов, которые я по указу с великим трудом собирал, на дороге растаяли, и я весною принужден был их либо все выбросить, либо в Соликамске остаться, к чему мне садг. Демидова и прилежное надзирание сего саду способным казались» (цит. по: Пекарский, 1870).

И действительно, в ботаническом саду Демидова осталось 80 наиболее ценных из собранных Стеллером экземпляров. После смерти ученого о них позаботился Григорий Демидов. Есть собственноручная пометка Карла Линнея, где говорится о судьбе естественно-научных коллекций Стеллера: «чернь взяла его коллекции и продала их Демидову, который потом прислал мне все, чтобы я написал названия, с позволением взять от всех дублеты» (цит. по: Липшиц, 1947–1952). Так осуществилась связь двух великих натуралистов XVIII в.

О том, что Стеллер был изрядным ботаником, свидетельствует и внушительный реестр его рукописей, в числе которых «Флора Перми с описанием многих трав»; «Дополнение к флоре р. Лены доктора Гмелина»; «Флора иркутская» на 90 листах; «Описание трав, растущих между Якутском и Охотском»; «Описание и реестр камчатским травам» и др.

При жизни Стеллеру не удалось увидеть напечатанной ни одной строчки своих трудов, а часть из них и вовсе была безвозвратно утрачена. И лишь в последние десятилетия все чаще появляются публикации и переводы его работ и растет интерес к самому Стеллеру – ученому и человеку, к его трагической, но во многом и завидной судьбе.

Литература

Анисимов Е.В. *Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы)*. М.: Терра, 1996. С. 192–253.

Вексель С. *Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.-М.: Главсевморпуть, 1940. 176 с.*

Куприянов А.Н. *В переплетении времен и судеб: «отец ботаники» Иоганн Георг Гмелин // НАУКА из первых рук. 2022. № 1/2 (94). С. 48–71.*

Панфилов А.М. *Идущий за горизонт, или Молитва о преодолении // НАУКА из первых рук. 2007. № 6 (18). С. 42–51.*

Пекарский П. *История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. 775 с.*

Стеллер Г.В. *Дневник плавания с Берингом к берегам Америки: 1741–1742 гг. / пер. Е.Л. Станюкович; ред., предисл. и коммент. А.К. Станюковича. М.: ПАН, 1995. 222 с.*

Стеллер Г.В. *Трактат о народной медицине / пер. и предисл. Е.А. Лукиной // НАУКА из первых рук. 2010. № 6 (30). С. 48–69.*

Стеллер Г.В. *Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. 576 с.*

Триллиум камчатский (*Trillium camtschatcense*) – многолетник из семейства мелантиевых до 50 см высотой. Японцы считают его ягоды лекарственными. Целебными свойствами обладает и мощное корневище. Фото автора

Г.В. Стеллер: «Куткуну» – так называется на Большой реке растение вышиною в один фут, с тремя листьями, выходящими из одного центра; над ним, на стебле длиною в вершок, появляется, как у *Herba paris*, белый цветок, пестик которого превращается в овальный сочный плод, напоминающий грецкий орех и наполненный, подобно